

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ ЛИЧНОСТИ Н. В. ГОГОЛЯ.

„Я почитаюсь загадкой для всѣхъ,
никто не разгадалъ меня совершенно“
(Изъ писемъ Гоголя).

Гоголь, какъ личность, представляетъ собою такую сложную и загадочную психическую организацію, въ которой сталкиваются и переплетаются между собою самыя разнородныя, а иногда и прямо противоположныя начала. Самъ Гоголь сознавалъ эту загадочность и сложность своего психическаго міра и неоднократно въ своихъ письмахъ выражалъ это сознаніе. Еще въ юношескихъ годахъ, на школьной скамьѣ, въ одномъ изъ писемъ къ матери, онъ такъ заявляетъ о себѣ: „я почитаюсь загадкой для всѣхъ; никто не разгадалъ меня совершенно“ ¹⁾. „Зачѣмъ Богъ, — восклицаетъ онъ въ другомъ письмѣ, — создавъ сердце, можетъ быть, единственное, по крайней мѣрѣ, — рѣдкое въ мірѣ, — чистую, пламенѣющую жаркою любовію ко всему высокому и прекрасному душу, зачѣмъ Онъ далъ всему этому такую грубую оболочку? Зачѣмъ Онъ одѣлъ все это въ такую странную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самого униженнаго смиренія“ ²⁾? Такой неуравновѣшанной, непонятной натурой Гоголь былъ въ юношескомъ возрастѣ, такимъ остался онъ и въ послѣдующей своей жизни. „Много казалось намъ въ немъ, — читаемъ мы

¹⁾ Въ Письма Н. В. Гоголя, I—IV т. Изд. Маркса, подъ ред. Шенрока. СПб. т. I, стр. 98. Письмо изъ Нѣжина, 1828 г. 1 Марта.

²⁾ Тамъ же. стр. 130. Письмо къ матери изъ Любека, 1830 г. Августа 13 по н. ст.

въ „Воспоминаніяхъ о Гоголѣ“ Арнольди, — необъяснимымъ и загадочнымъ. Какъ, напр., согласить его постоянное стремленіе къ нравственному совершенству съ его гордостью, которой мы всё были не разъ свидѣтелями? его удивительный тонкій, наблюдательный умъ, видный во всёхъ сочиненіяхъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ обыкновенной жизни — какую-то глупость и непониманіе вещей самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ? Вспоминали мы также его странную манеру одѣваться и его насмѣшки надъ тѣми, кто одѣвался смѣшно и безъ вкуса, его религіозность и смиреніе, и слишкомъ уже подчасъ странную нетерпѣливость и малое снисхожденіе къ ближнимъ; однимъ словомъ, нашли бездну противорѣчій, которыя, казалось, трудно было и совмѣстить въ одномъ человѣкѣ¹⁾. И, въ самомъ дѣлѣ, какъ совмѣстить въ одномъ человѣкѣ наивнаго идеалиста начала его литературной дѣятельности съ грубымъ реалистомъ позднѣйшаго времени, — веселаго, безобиднаго юмориста Рудого Панько, заражавшаго своимъ смѣхомъ всёхъ читателей; — съ грознымъ, беспощаднымъ сатирикомъ, отъ котораго доставалось всёмъ сословіямъ, — великаго художника и поэта, творца безсмертныхъ произведеній, съ проповѣдникомъ — аскетомъ, авторомъ странной „Переписки съ друзьями“? Какъ примирить въ одномъ лицѣ столь противоположныя начала? Гдѣ объясненія этого сложнаго переплетенія самыхъ разнообразныхъ психическихъ элементовъ? Гдѣ, наконецъ, разгадка той психической загадки, которую задалъ Гоголь всёмъ своимъ существованіемъ? Намъ говорятъ, что „отгадка Гоголя можетъ въ психологіи того сложнаго необъятнаго цѣлаго, что мы называемъ именемъ „великаго человѣка“²⁾. Но что такое „великій“ человѣкъ“ и какое отношеніе имѣеть онъ къ Гоголю? Какіе такіе особые законы, управляющіе душою „великаго человѣка?“ — По нашему мнѣнію, разгадку Гоголя нужно искать не въ психологіи великаго человѣка вообще, а въ психологіи именно Гоголевскаго величія, соединеннаго съ крайнимъ самоуничиженіемъ, — Гоголевскаго ума, соединеннаго съ страннымъ „непониманіемъ вещей са-

¹⁾ Русск. Вѣстн. 1862 г. № 1.

²⁾ Баженовъ, „Болѣзнь и смерть Гоголя“. Русск. мысль, 1902 г., № 1. стр. 138.

мыхъ простыхъ и обыкновенныхъ ¹⁾),—Гоголевскаго таланта, соединеннаго съ аскетическимъ самоотрицаемъ и болѣзненнымъ безсилемъ,—словомъ, въ психологii единственной, исключительной спеціально Гоголевской личности.

Итакъ, что же представляетъ собою личность Гоголя? Не смотря на сложность и разнообразіе внутренняго міра его, не смотря на множество противорѣчій, заключающихся въ его личности, при ближайшемъ знакомствѣ съ характеромъ Гоголя нельзя не подмѣтить двухъ главныхъ теченій, двухъ преобладающихъ сторонъ, поглощающихъ собою все другіе психическіе элементы: Это, во-первыхъ, сторона, имѣющая непосредственное отношеніе къ Гоголю, какъ человѣку, и выражающаяся въ склонности его къ постоянному нравственному самоанализу, нравственному самообличенію и обличенію другихъ; и, во-вторыхъ,—другая сторона, характеризующая Гоголя собственно какъ писателя и состоящая въ изобразительной силѣ его таланта, художнически и всесторонне воспроизводящей окружающій его міръ дѣйствительности въ томъ видѣ, какъ онъ есть. Эти двѣ стороны личности всегда можно легко различить въ Гоголѣ. Такимъ образомъ онъ является предъ нами какъ Гоголь - моралистъ и какъ Гоголь - художникъ, какъ Гоголь - мыслитель и какъ Гоголь - поэтъ, какъ Гоголь - человѣкъ и какъ Гоголь - писатель. Эта двойственность его натуры, которая весьма рано сказывается въ немъ и которую можно прослѣдить въ немъ отъ начала его жизни и до конца ея, это раздѣленіе его „я“ на два „я“,—составляетъ характерную особенность его личности. Вся его жизнь,—со всеми ея перепетіями, противорѣчійми и странностями, есть ничто иное, какъ борьба между собою этихъ двухъ противоположныхъ началъ съ попеременнымъ перевѣсомъ то той, то другой, или, вѣрнѣе съ перевѣсомъ сначала преимущественно одной стороны, а потомъ—другой; его конечная, трагическая судьба есть ничто иное, какъ окончательное торжество Гоголя - моралиста надъ Гоголемъ - художникомъ. Задача психолога - біографа должна состоять въ томъ, чтобы прослѣдить въ различныхъ фазисахъ этотъ сложный психологическій процессъ, постепенно приведшій веселаго юмориста насѣчника

1) См. выше: слова Арнольди.

Рудого Панько къ рѣзкому, болѣзненному аскетизму,—грознаго сатирика-писателя къ самоотрицанію и къ отрицанію всего того, чѣмъ онъ жилъ, и что имъ было написано ранѣе. Не принимая на себя разрѣшенія этой трудной и сложной задачи, мы въ настоящемъ своемъ очеркѣ хотимъ наметить только главные моменты этого процесса и набросать хотя общій контуръ личности Гоголя.

Сынъ нѣсколько извѣстнаго писателя Василія Аванасьевича Гоголь-Яновскаго и нѣсколько экзальтированной жены его Марьи Ивановны, Гоголь отъ природы унаслѣдовалъ выдающійся литературный талантъ и впечатлительную, восприимчивую натуру. Его отецъ,—авторъ нѣсколькихъ комедій изъ малорусскаго быта, обладавшій веселымъ и добродушнымъ характеромъ, питавшій сильную страсть къ театру и къ литературѣ, несомнѣнно оказалъ при своей жизни весьма благотворное вліяніе на развитіе литературнаго таланта своего сына и на образованіе его симпатій. Имѣя съ дѣтства на глазахъ примѣръ уваженія къ книгѣ и горячей любви къ сценѣ, Гоголь весьма рано пристрастился къ чтенію и къ игрѣ. По крайней мѣрѣ, въ Нѣжинской гимназій, вскорѣ же по поступленіи въ нее Гоголя, мы встрѣчаемъ его уже какъ инициатора и главнаго дѣятеля по устройству гимназическаго театра, по организаціи любительскаго чтенія книгъ для самообразованія, наконецъ, по изданію ученическаго журнала „Звѣзды“. Эту страсть къ литературѣ и къ театру,—привитую ему еще въ дѣтствѣ, онъ сохранилъ въ себѣ на всю жизнь. Но въ это время какъ отецъ могъ оказать и несомнѣнно оказалъ благотворное вліяніе на развитіе литературнаго таланта своего сына, религіозно-настроенная и въ высшей степени набожная мать его оказала сильное вліяніе на образованіе *нравственной личности* Гоголя. Она постаралась въ своемъ воспитаніи положить прочное основаніе христіанской религіи и доброй нравственности. И впечатлительная душа ребенка не оставалась глухой къ этимъ урокамъ матери. Гоголь впоследствии самъ отмѣчаетъ это вліяніе матери на свое религіозно-нравственное развитіе. Съ особымъ чувствомъ признательности воспоминаетъ онъ потомъ эти уроки, когда, напр., рассказы матери о страшномъ судѣ „потрясали и будили въ немъ всю чувствительность и зародили впоследствии самыя высокія мы-

сли“. Какъ на плодъ материнскаго же воспитанія нужно смотрѣть и на то, что въ Гоголѣ весьма рано пробудилась пламенная *жажда нравственной пользы*, которую онъ мечтаетъ оказать человѣчеству. Подъ вліяніемъ этого стремленія быть полезнымъ онъ весьма рано, еще на школьной скамьѣ, останавливается мыслию „на юстиціи“, думая, что здѣсь онъ можетъ оказать наибольшее благодѣяніе человѣчеству. „И видѣлъ,—пишетъ онъ изъ Нѣжина своему дядѣ Косяровскому,—что здѣсь работы болѣе всего, что здѣсь только могу я быть благодѣяніемъ, здѣсь только буду истинно полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало мое сердце. Я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сдѣлавъ блага ¹⁾“. Это стремленіе къ нравственной пользѣ, страстную жажду подвига, Гоголь сохранилъ до конца своей жизни,—мѣняя взглядъ только на роды дѣятельности, — и эта черта должна быть признана истинной выразительницей его нравственной фizioноміи. Его ненависть ко всему пошлomu, самодовольному, ничтожному была проявленіемъ этой черты его характера. И Гоголь, дѣйствительно, ненавидѣлъ все это, насколько только могъ, и преслѣдовалъ пошлость съ особою страстію, преслѣдовалъ всюду, гдѣ только находилъ ее, и преслѣдовалъ такъ, какъ только можетъ преслѣдовать мѣткое, ѣдкое слово Гоголя.

Но на ряду съ добрыми сѣменами матерью впервые брошены были въ воспримчивую душу сына и нѣкоторые плевелы, которые въ послѣдствіи, сильно разросшись, принесли горькіе плоды. Любя своего „Никошу“ до безпамятства, она своимъ неумѣреннымъ обожаніемъ породила въ немъ крайнее самомѣніе и преувеличенную оцѣнку своей личности. Позднѣе Гоголь самъ созналъ эту крайность материнскаго воспитанія. „Вы употребляли все стараніе,—пишетъ онъ въ одномъ изъ писемъ матери, — воспитать меня какъ можно лучше; но, къ несчастію, родители рѣдко бываютъ хорошими воспитателями своихъ дѣтей. Вы были тогда еще молоды, въ первый разъ имѣли дѣтей, въ первый разъ имѣли съ ними обращеніе, и такъ могли-ли вы знать, какъ должно приступить, что нужно? Я помню: я ничего сильно не чув-

1) Тамъ же, стр. 89. Письмо изъ Нѣжина отъ 3 окт. 1827 г.

ствовать, я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ ¹⁾“.

Вмѣстѣ съ этимъ самоиѣніемъ и, можетъ быть, какъ прямой результатъ его, въ Гоголѣ весьма рано сказывается стремленіе къ учительству и резонерству. Уже въ юношескихъ письмахъ его изъ Нѣжина къ матери мы находимъ ясныя слѣды этой черты. Онъ часто обращается въ нихъ къ матери съ упреками, совѣтами, наставленіями, поученіями, причемъ тонъ ихъ принимаетъ нерѣдко риторическій, напыщенный отгѣнокъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ рельефнѣе выступаетъ эта черта. Онъ начинаетъ поучать и наставлять въ своихъ письмахъ не только мать и сестеръ, но и своихъ ученыхъ, болѣе его образованныхъ друзей и знакомыхъ— Жуковского, Погодина и др. Это стремленіе его къ учительству, вмѣстѣ съ самоиѣніемъ, подѣ-конецъ сослужило Гоголю плохую службу: оно подготовило почву для столь извѣстной его „Переписки съ друзьями“...

Всѣ эти черты,—стремленіе къ нравственной пользѣ, крайнее самоиѣніе и страсть къ учительству, — обуславливая и дополняя другъ друга и постепенно усиливаясь, получили потомъ въ душѣ Гоголя преобладающее значеніе и съ теченіемъ времени образовали изъ него того страннаго и рѣзкаго *учителя-моралиста*, какимъ онъ является предъ нами въ концѣ своей жизни.

Но на ряду съ этой стороной личности Гоголя въ немъ постепенно развивалась, зрѣла и крѣпла другая сторона: его великій художническій талантъ, соединенный съ выдающимся даромъ наблюдательности. Необычайная впечатлительность и восприимчивость его натуры оказали ему великую услугу: они будили чувство, питали умъ и закаляли самый талантъ. Впечатлѣнія окружающей его дѣйствительности рано стали западать въ душу даровитаго мальчика: ничто не ускользало отъ его наблюдательнаго взора и то, что отмѣчалъ послѣдній, долго и прочно хранилось въ его душѣ. Вотъ какъ самъ Гоголь свидѣтельствуетъ объ этой особенности своей духовной природы. „Прежде, — говоритъ онъ о себѣ въ VI гл. I т. Мертвыхъ Душъ,—давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣт-

1) См. Шенрокъ, Ученническіе годы Гоголя, Москва, 1857 г. стр. 29

ства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была-ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишка, село-ли, слободка—любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, что носило только на себѣ напечатлѣніе какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало... Ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука и на деревянные ящики съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, — мелькавшіе изъ дверей овощной лавки вмѣстѣ съ банками высушенныхъ московскихъ конфетъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ какой-губерніи на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ въ бѣговыхъ дрожкахъ,—и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо—и я уже задумывался, куда онъ идетъ“... „Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика“, Гоголь,—по его дому, по саду, по всему окружающему „старался угадать, кто таковы самъ помѣщикъ“ и т. д. Это свойство ума Гоголя обуславливало собою то обстоятельство, что онъ въ своихъ произведеніяхъ могъ воспроизводить только то, что видѣлъ и слышалъ, что наблюдать непосредственно въ жизни. Творческое воспроизведеніе міра дѣйствительнаго, обуславливаемое этою особенностью его природы, сообщило и должно было сообщить таланту Гоголя *реалистическое направление*. „Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи,—говорить онъ о себѣ, въ Авторской Исповѣди,—и не имѣлъ этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было изъ дѣйствительности, изъ данныхъ мнѣ извѣстныхъ ¹⁾“. Эти черты, — поэтическая наблюдательность и художническое творчество имѣли великое значеніе для Гоголя, какъ писателя. Его тонкая наблюдательность, заглядывавшая въ самую глубь человѣческой души, помогла ему найти и угадать характеристическія черты современнаго ему общества, а его художническое творчество дало ему воз-

¹⁾ Сочиненія Гоголя, подъ ред. Тихонравова. СПб. 1893 г. т. V, стр. 282.

возможность воплотить эти черты въ цѣлой коллекціи реальнѣйшихъ и правдивѣйшихъ типовъ,—типовъ не только Малороссіи,—которая была родиной поэта, но и Великороссіи, которую онъ почти не зналъ. Они образовали изъ него того великаго *художника-реалиста*, который явился выразительнѣйшимъ бытописателемъ современной ему жизни и своими твореніями оказалъ могучее воздѣйствіе на современное ему общество.

Въ маѣ 1821 года Гоголь двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ поступаетъ въ число питомцевъ Нѣжинской Гимназіи высшихъ наукъ. Эта гимназія принадлежала къ тому типу старой школы, въ которой, по выраженію Пушкина обучались „по-немножку“, „чему-нибудь и какъ-нибудь“. Это было время, когда ученики во-многомъ опережали своихъ учителей и находили возможнымъ чуть не въ глаза высмѣивать ихъ отсталость ¹⁾. Кромѣ того, Нѣжинская гимназія, за время обученія въ ней Гоголя, находилась въ особо-неблагоприятныхъ условіяхъ. Она только что была открыта и нуждалась въ устройствѣ и приведеніи въ порядокъ всѣхъ сторонъ своего учебно-воспитательнаго дѣла. Многіе преподаваемые въ ней за это время предметы были такъ слабо поставлены, что не могли дать ученикамъ никакой подготовки. Къ числу такихъ предметовъ относилась между прочимъ и исторія русской литературы. Проф. Никольскій, преподававшій этотъ предметъ,—по свидѣтельству одного изъ школьныхъ товарищей Гоголя,—„о древнихъ и западныхъ литературахъ не имѣлъ никакого понятія. Въ русской литературѣ онъ восхищался Херасковымъ и Сумароковымъ, Озерова, Батюшкова и Жуковского находилъ не довольно классическими, а языкъ и мысли Пушкина тривіальными ²⁾“. Такова была школа того времени, таковы были профессора и таково положеніе учебнаго дѣла. И если выходили изъ такихъ школъ Пушкины, Гоголи, Рѣдкины, Кукольники и мн. др., то всѣми своими пріобрѣтеніями они обязаны были не столько школь, сколько своимъ собственнымъ дарованіямъ и самодѣятельности. Правда, была впрочемъ и въ школахъ того времени одна

¹⁾ В. Шенрокъ, Матеріалы для біографіи Гоголя, Москва. 1892. т. I стр. 91.

²⁾ Тамъ же.

хорошая сторона, которая благотворно отражалась на развитіи ихъ питомцевъ. Именно: эти школы если и ничего не давали своимъ ученикамъ, то, по крайней-мѣрѣ, ничего и не отнимали у нихъ. Они не стѣсняли свободы у своихъ учениковъ, отводили просторный кругъ для ихъ самодѣятельности и тѣмъ, хотя отрицательно, способствовали развитію ихъ индивидуальности и раскрытію природныхъ дарованій¹⁾.

Если мы на ряду съ общими недостатками школы того времени примемъ во вниманіе свойства, относящіяся собственно къ Гоголю, какъ ученику, именно, что онъ равнодушно относился къ преподаваемымъ предметамъ и считался за лѣниваго и неряшливаго питомца, то для насъ вполне будетъ ясна правдивость свидѣтельства Гоголя о самомъ себѣ, которое мы находимъ въ его Авторской Исповѣди. „Надобно сказать, свидѣтельствуется онъ здѣсь,—что я получилъ въ школѣ воспитаніе довольно плохое, а потому немудрено, что мысль объ ученіи пришла ко мнѣ въ зрѣломъ возрастѣ. Я началъ съ такихъ первоначальныхъ книгъ, что стыдился даже показывать и скрывалъ всѣ свои занятія²⁾“.

„Школа, по заявленію одного изъ его наставниковъ, именно г. Кулжинскаго,—приучила его только къ нѣкоторой логической формальности и послѣдовательности понятій и мыслей, а болѣе ничѣмъ онъ намъ не обязанъ. Это былъ талантъ, не узанный школою, и ежели правду сказать, не хотѣвшій, или не умѣвшій признаться школѣ³⁾“. Правда, онъ стремился послѣ пополнить эти пробѣлы въ образованіи, онъ въ своей „Исповѣди“ говорить о чтеніи и изученіи, „книгъ законодателей, душевѣдцевъ и наблюдателей за природой человѣка⁴⁾“, но его сочиненія и художественскія и публицистическія („Переписка“) не подтверждаютъ этого свидѣтельства, да и самое чтеніе ученыхъ книгъ безъ предварительной подготовки врядъ-ли могло принести ему существенную пользу. Такимъ образомъ, онъ принужденъ былъ на всю жизнь остаться съ жалкими обрывками нехитрой

1) См. о школьномъ періодѣ Гоголя ст. Н. Коробки „Дѣтство и юность Гоголя“ въ журналѣ Министерства Народн. Просвѣщенія, 1902 г. № 2.

2) Сочиненія Гоголя, *Op. cit.*, стр. 279.

3) В. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. *Op. cit.*, стр. 86.

4) Сочиненія Гоголя, *Op. cit.*, стр. 278.

мудрости Нѣжинской школы... Поэтому, не будучи пророкомъ, не трудно было бы предсказать, что какимъ бы великимъ человѣкомъ онъ ни былъ впоследствии въ области искусства, онъ непременно долженъ былъ быть посредственнымъ мыслителемъ и плохимъ моралистомъ.

Но вотъ Гоголь кончаетъ школу и вступаетъ въ жизнь. Его манятъ и влекутъ къ себѣ Петербургъ, служба, слава. Школа—„вѣдь это еще не жизнь,—разсуждаетъ одинъ изъ героевъ Гоголя, у котораго (т. е. Гоголя) въ это время было много общаго съ нимъ,—это только приготовленіе къ жизни: настоящая жизнь на службѣ: тамъ подвиги!“ И по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, замѣчаетъ Гоголь объ этомъ героѣ,—онъ понесся въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится отъ всѣхъ сторонъ наша пылкая молодежь“. Гоголя ужасаетъ въ это время мысль о безслѣдномъ существованіи въ мірѣ. „Быть въ мірѣ и не означить своего существованія.—восклицаетъ онъ,—это для меня ужасно ¹⁾“. Его исполинскія духовныя силы просятся наружу, порываются на то, чтобы „означить жизнь однимъ благодѣяніемъ, одною пользою отечеству“ а толкаютъ его „въ дѣятельный міръ“ ²⁾. Онъ спѣшитъ опредѣлить свое призваніе, мѣняетъ одно за другимъ множество должностей и мѣстъ и нигдѣ не можетъ найти успокоенія своей мятущейся душѣ. То онъ—чиновникъ Департамента Удѣловъ, то—преподаватель исторіи въ Патріотическомъ Институтѣ, то ему кажется, что его призваніе—сцена, то онъ думаетъ всего себя посвятить живописи. Наконецъ, появленіе въ свѣтъ его „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ рѣшаетъ его судьбу, и опредѣляетъ призваніе. Его небольшія повѣсти изъ малороссійскаго быта,—изданныя подъ этимъ названіемъ, вызываютъ всеобщее сочувствіе и критики и публики. Самъ Пушкинъ „изумленъ этой любопытной литературной новинкой“. Теперь предъ нами—Гоголь-поэтъ, Гоголь-писатель. Отнынѣ все, что ни продиктуетъ ему его художническое вдохновеніе, все будетъ значительно, прекрасно, велико.

Но „Вечера“ были только первымъ опытомъ его литера-

¹⁾ Письма Гоголя. op. cit. I, 78.

²⁾ Тамъ же. Стр. 63. Писано къ матери отъ 13 ноября 1827 г. изъ Нѣжина.

турной дѣятельности, пробую силъ и пера ¹⁾. Въ головѣ Гоголя мелькають другіе планы, въ его душѣ зрѣють другія думы. „Вечера“ его не удовлетворяють и онъ хочетъ создать болѣе великое и значительное, чѣмъ эти „сказки и присказки“. „Да обречутся они неизвѣстности,—пишетъ онъ о нихъ вскорѣ по выходѣ ихъ въ свѣтъ М. П. Погодину,—покажѣтъ что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня“ ²⁾. Скоро, дѣйствительно, появляется „Ревизоръ“ (1836 г.), а пять-шесть лѣтъ спустя и „Мертвыя Души“ (I т.). Въ этихъ произведеніяхъ сила богатаго литературнаго таланта Гоголя развернулася во всю свою ширь и мощь. Все пошлое и самодовольное въ своей пошлости, все ничтожное и кичливое своей ничтожностію, „всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ болѣе всего требуется отъ человѣка справедливости“ ³⁾, все это собрано было въ этихъ произведеніяхъ „въ одну кучу“ и заклеяно печатью горько—ядовитаго смѣха, глубокой ненависти и величайшаго презрѣнія. Нѣтъ нужды много распространяться о томъ, какъ широко захвачены въ нихъ современная автору русская жизнь съ ея общественными явленіями и какъ глубоко раскрыта въ самыхъ сокровенныхъ тайникахъ своихъ душа современнаго ему человѣка: исторія уже успѣла оцѣнить по достоинству эти произведенія и отдала должную дань удивленія признательности гениальному ихъ автору. Достаточно сказать, что Гоголь явился въ нихъ вполнѣ на высотѣ своего призванія—быть художникомъ—обличителемъ пороковъ современнаго ему общества и недостатковъ общественнаго строя,—и добросовѣстно выполнилъ тотъ долгъ, выполнить который онъ призванъ былъ.

Между тѣмъ въ то время, какъ великія творенія Гоголя готовы были совершить радикальный переворотъ не только въ литературномъ мірѣ, но и въ общественной жизни, въ то время какъ и друзья и враги Гоголя уже зачислили его

¹⁾ Мы не считаемъ неудачнаго „Ганца Кюхельгартена“ за пробу Гоголемъ своихъ силъ, такъ какъ это юное произведеніе всецѣло навѣяно было ему увлеченіемъ чуждымъ ему духомъ господствовавшаго тогда романтизма.

²⁾ Такъ же, стр. 237. Письмо изъ СПб. отъ 1 Февр. 1833 г.

³⁾ Авторская Исповѣдь. *Сочиненія Н. В. Гоголя* op. cit., стр. 274.

въ передовые люди современнаго ему общества,— въ это время міросозерцаніе его продолжаетъ оставаться на томъ же уровнѣ, на какомъ оно было во дни его сознательнаго дѣтства и въ годы послѣдовавшей за нимъ юности. Повидимому, Петербургъ не оказалъ въ данномъ случаѣ никакого замѣтнаго вліянія. Кружокъ Пушкина, въ который вступилъ Гоголь вскорѣ по своемъ прибытіи въ столицу, если и могъ благотворно воздѣйствовать на него, то исключительно только въ художнически-литературномъ отношеніи; всѣ другія стороны духовнаго развитія Гоголя оставались внѣ сферы этого воздѣйствія. Не видно также, чтобы и поѣздки Гоголя за границу принесли ему какую-нибудь существенную пользу. Его міросозерцаніе,—если только этимъ именемъ можно назвать запасъ обиходныхъ взглядовъ и традиціонныхъ убѣжденій, вынесенный имъ изъ домашняго воспитанія и школьнаго образованія, — и въ Петербургѣ остается совершенно нетронутымъ и вполнѣ дѣвственнымъ. Теплая непосредственная вѣра въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ, горячая любовь къ родинѣ и почтительное признаніе существующаго строя общественной жизни такимъ, какимъ онъ есть,—не подлежащимъ никакому критическому анализу,—въ области политически-соціальныхъ вопросовъ,—вотъ тѣ черты, которыя должны быть отмѣчены, какъ существенныя, въ этомъ примитивномъ, нѣсколько-патріархальномъ міросозерцаніи. Но при такихъ воззрѣніяхъ характерною и типичною особенностію личности Гоголя было,—какъ мы отмѣтили,—страстное стремленіе къ нравственной пользѣ для отечества,—пламенная жажда моральнаго подвига. Эта особенность его личности непрестанно толкала Гоголя на путь практической дѣятельности и сообщала его міросозерцанію *активный* характеръ. Она-то и привела Гоголя, какъ человѣка и гражданина,—къ столкновенію съ другой стороной его дѣятельности, съ Гоголемъ, какъ писателемъ.

Еще пока силенъ былъ въ Гоголѣ юношескій пылъ, пока живъ былъ Пушкинъ, этотъ добрый геній его,—Гоголь имѣлъ возможность нераздѣльно отдаваться художническому творчеству. Но съ годами, съ появленіемъ различныхъ болѣзней и съ другими невзгодами жизни, обнаруживавшимися на его голову,—мысль о бесплодно прожитой жизни все болѣе и болѣе беспокоила его умъ, все чаще и чаще смущала его

совѣсть. Ему стало казаться, что та польза, которую онъ приноситъ своими литературными произведеніями не такъ существенна, что тотъ путь, на который онъ вступилъ, не вполне правиленъ и что на другомъ мѣстѣ онъ могъ бы быть гораздо полезнѣе ¹⁾. Первый сильный толчекъ этому повороту въ настроеніи Гоголя данъ былъ первымъ представленіемъ его „Ревизора“. Какъ извѣстно, это представленіе произвело потрясающее впечатлѣніе на публику. Оно было внезапнымъ громомъ на ясномъ небосклонѣ общественной жизни. Въ Ревизорѣ увидѣли пасквиль на общество, подрывъ авторитета гражданской власти, подкопы подъ самыя основы общественнаго строя. Этого-то вывода Гоголь никакъ не ожидалъ и онъ ужаснулъ его. Казалось, что Гоголь—художникъ впервые не разсчиталъ здѣсь своихъ силъ и произвелъ такое, что привело въ смущеніе Гоголя—гражданина. „Первое произведеніе, замышленное съ цѣлію произвести доброе вліяніе на общество ²⁾“, не только не достигло предполагаемой цѣли, но сопровождалось какъ разъ противоположнымъ результатомъ: „въ комедіи стали видѣть,—говорить Гоголь,—желаніе осмѣять *узаконенный* порядокъ вещей и правительственныя формы, тогда какъ у меня было намѣреніе осмѣять только *самоуправное отступленіе нѣкоторыхъ* лицъ отъ форменнаго и узаконеннаго порядка ³⁾“. Съ обвиненіемъ въ гражданской неблагонадежности,—какую обнаружилъ Гоголь—писатель, никакъ не могъ помириться Гоголь—гражданинъ. Какъ?—осмѣивать не только лица, но и должности, которыя они занимаютъ, осмѣивать не только человѣческую пошлость, но и недостатки общественнаго строя,—такія мысли никогда и въ голову ему не приходили ⁴⁾. Вотъ почему, когда Бѣлинскій сталъ раскрывать великое *общественное* значеніе его произведеній, Гоголь спѣшитъ отречься отъ всего того, что ему приписывалъ великій критикъ, въ чемъ, дѣйствительно, заключалась вся его заслуга, но что такъ сильно шло въ разрѣзъ съ его общественными воз-

1) ср. Авторскую Исповѣдь, op. cit., стр. 297—301.

2) Письмо къ В. А. Жуковскому. Сочиненія Н. В. Гоголя, op. cit., т. V, стр. 309—310.

3) Тамъ же, стр. 310.

4) Ср. Авторскую Исповѣдь, op. cit., стр. 277—278.

зрѣніями ¹⁾. По его убѣжденію, общественный строй, каковъ бы онъ ни былъ, имѣеть какъ „узаконенный порядокъ“ незблемое, непреходящее значеніе. Источникъ зла коренится не въ общественномъ нестройствѣ, а въ испорченной душѣ человѣка, коснѣющаго въ своемъ нечестіи. Зло — оттого, что люди слишкомъ нравственно развращены и не хотятъ отстать отъ своихъ недостатковъ, не хотятъ исправиться. Его Сквозникъ-Дмухановскіе, Плюшкины, Ноздревы, Собакевичи, Коробочки и пр. кажутся ему просто случайными явленіями, какъ не имѣющими общаго съ теченіемъ общественной жизни. Если они таковы, то сами въ томъ виноваты. Достаточно имъ покаяться и нравственно исправиться, чтобы стать хорошими людьми. Таково было воззрѣніе самого Гоголя на свои типы и на значеніе своихъ твореній. Но изъ подъ вдохновеннаго пера истиннаго писателя—художника, какъ плодъ бессознательнаго творчества, часто выливается то, что онъ не предусматриваетъ и чего не ожидаетъ. Такъ случилось и на этотъ разъ. Общественныя язвы, вопреки желанію автора, въ „Ревизорѣ“ такъ ясно всплыли на поверхность, что не обратить на нихъ вниманія не было никакой возможности. Всѣ ихъ увидѣли и всѣ хорошо поняли и прежде всѣхъ вамъ Императоръ Николай I, который, просмотрѣвши пьесу, сказалъ: „всѣмъ досталось, а всѣхъ больше мнѣ самому ²⁾“. Раздались крики негодованія противъ автора и воли протеста противъ его твореній. „Либераль! Революціонеръ! Клеветникъ на Россію! Въ Сибирь его ³⁾!“—таковы были общіе возгласы негодующей публики. И всѣ эти страшныя слова сыпались на голову того, кто даже не понималъ всего значенія возводимыхъ на него обвиненій и тѣмъ болѣе не зналъ, чѣмъ они съ его стороны вызывались. Нетрудно поэтому представить себѣ то отчаяніе, въ которое повергли Гоголя всѣ эти нападки. „Противъ меня,—жалуется онъ Погодину, — уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія ⁴⁾“... „Разсмотри по-

¹⁾ Панаевъ, Литературныя Воспоминанія, СПб. 1888 г. стр. 187.

²⁾ Историческій Вѣстникъ, 1901 г. XII, 977 стр. Энгельгардтъ, Никс-лаевская цензура.

³⁾ Тамъ же, стр. 976.

⁴⁾ Письмо Гоголя, ор. cit., письмо изъ СПб. отъ 15 мая 1836 г., стр. 377.

ложеніе бѣднаго автора, любяшаго между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ соотечественниковъ ¹⁾“ „Гоголь-гражданинъ“ былъ смущенъ и глубоко потрясенъ. Онъ спѣшитъ оправдаться, ссылается на невѣжество и раздражительность публики, не желающей понять, что если въ комедіи выведено нѣсколько плутовъ, то это не значить, что всѣ плуты; что его герои, Хлестаковы и пр. далеко не такъ типичны, какъ это представляютъ близорукіе люди ²⁾. Но было уже поздно. Комедія сдѣлала свое дѣло: она заклеимила печатью пошлости и презрѣнія тѣхъ, кто заслуживалъ этого. Смущенный и встревоженный Гоголь спѣшитъ удалиться за границу, чтобы отдохнуть отъ тревоженій и оправиться отъ удара, который нанесенъ былъ ему его же собственной рукой. Онъ ѣдетъ „разгулять свою тоску“ и „глубоко обдумать свои обязанности авторскія ³⁾“. Весьма знаменательная и чреватая послѣдствіями цѣль: Гоголь-моралистъ впервые рѣзко столкнулся здѣсь съ Гоголемъ-художникомъ и они не узнали другъ-друга; они не только не узнали другъ друга, не протянули другъ другу руку для братскаго преслѣдованія одной и той же цѣли,—нѣтъ!—они впервые нѣсколько отвернулись другъ отъ друга: Гоголь-моралистъ задумался надъ Гоголемъ-художникомъ и не вполне понялъ и оцѣнилъ его, а, не оцѣнивши, взглянулъ на него нѣсколько искоса. Съ этихъ поръ въ немъ начинается замѣтный поворотъ на тотъ путь, который привелъ его къ „Перепискѣ съ друзьями“, „великій переломъ“, „великая эпоха его жизни ⁴⁾“. Его прежнія сочиненія начинаютъ казаться ему „тетрадью ученика, въ которой на одной страницѣ видно нерадѣніе и лѣнь, на другой—нетерпѣніе и поспѣшность ⁵⁾“... Онъ выражаетъ желаніе, чтобы „появилась такая моль, которая бы съѣла внезапно всѣ экземпляры „Ревизора“, а съ ними „Арабески“, „Вечера“ и всю прочую чепуху ⁶⁾“. У него

¹⁾ Тамъ же стр. 378.

²⁾ Тамъ же, ср. стр. 377.

³⁾ Тамъ же, стр. 378.

⁴⁾ Тамъ же. Письмо къ В. А. Жуковскому, Гамбургъ, 28/16 іюня (1836) стр. 384.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 384.

⁶⁾ Тамъ же. Письмо къ Н. Я. Прокоповичу. Парижъ 25 января 1837 года, стр. 425.

возникаетъ мысль о соединеніи поэзіи съ поученіемъ ¹⁾, чтобы приносить своими сочиненіями одну пользу, избѣгая того вреда, какой,—какъ ему казалось,—они могутъ приносить не осторожнымъ обличеніемъ и осмѣяніемъ человѣческой пошлости ²⁾. Онъ задумываетъ теперь новое великое произведеніе, въ которомъ долженъ быть показанъ весь русскій человѣкъ, со всѣми своими свойствами, не только отрицательными, но и положительными. Эта мысль о положительныхъ свойствахъ русскаго человѣка была непосредственнымъ порожденіемъ того страха, которое испыталъ Гоголь предъ всеуничтожающею силою сатирическаго смѣха своего послѣ представленія „Ревизора“.

Въ 1842 году появляется первый томъ „Мертвыхъ Душъ“, гдѣ талантъ Гоголя остается еще вѣрнымъ себѣ, гдѣ Гоголь-художникъ одерживаетъ еще перевѣсъ надъ Гоголемъ-моралистомъ. Но, увы!—лирическія отступленія, въ изобиліи разсѣянные по этому произведенію, — были зловѣщимъ симптомомъ того ожидавшаго всю образованную Россію бѣдствія, которое должно было скоро совершиться, — знаменательнымъ признакомъ того пораженія, которое въ скоромъ времени потерпитъ Гоголь-художникъ отъ руки Гоголя-моралиста. Никто еще пока не подозрѣвалъ надвигающейся грозы, никто еще не чуялъ приближающейся бѣды: только зоркое око Бѣлинскаго усмотрѣло это раздвоеніе Гогольскаго таланта, сказавшееся въ этомъ его твореніи, только его тонкое ухо подслушало фальшивую нотку, проскользнувшую здѣсь...

Между тѣмъ самъ Гоголь смотритъ на первый томъ какъ на предверіе къ великому зданію, т. е. какъ на предисловіе къ тому произведенію, въ которомъ должны раздаться другіе мотивы, пройти другіе образы. Но Бѣлинскій уже пророчествовалъ ему, что если онъ пойдетъ по этой дорогѣ, онъ погубитъ свой талантъ.

Пророчество Бѣлинскаго, къ несчастью, скоро оправдалось. Прошло не болѣе пяти лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ и вся читающая Россія, вмѣсто обѣщаннаго втораго тома того же творенія, съ прискорбіемъ

1) Ср. Авторскую Исповѣдь, *op. cit.* стр. 293, 296, 298—301.

2) Ср. Авторскую Исповѣдь, *op. cit.*, стр. 277—278.

развернула странную книгу, носившую необычайное названіе „Выбранныхъ мѣстъ изъ Переписки съ друзьями“. Никто,—кромѣ ближайшихъ друзей Гоголя, не зналъ, что это означало; но всѣ поняли, что русская литература теряет великаго и талантливаго писателя, который обогатилъ ее не однимъ чуднымъ произведеніемъ, а теперь преподнесъ какую-то туманную проповѣдь всѣмъ извѣстныхъ, иногда довольно сомнительныхъ, истинъ, только изложенныхъ какимъ-то необычайнымъ, докторальнымъ, высокоумнымъ тономъ. Раздались снова крики, вопли и стоны,—на этотъ разъ уже крики упрековъ, вопли недоумѣнія, стоны отчаянія!!! Но было уже поздно: Гоголь-моралистъ нанесъ Гоголю - художнику окончательный ударъ и Гоголь-художникъ умеръ навсегда. Онъ палъ жертвою внутренняго раздвоенія, нравственнаго самоанализа и болѣзненной рефлексіи. Онъ погибъ въ неносильной борьбѣ съ насильно навязываемой неестественной тенденціей; — погибъ преждевременно, въ такихъ лѣтахъ, когда еще силы человѣка бываютъ въ полномъ разцвѣтѣ. Не будемъ задаваться бесплодными вопросами о томъ, чѣмъ могъ бы, при другихъ условіяхъ, подарить еще русскую литературу могучій талантъ Гоголя,—какими перлами онъ еще обогатилъ бы ее. Выразимъ лучше признательность ему и за то, что сдѣлано имъ... Онъ всю жизнь неуклонно стремился къ тому, чтобы невозможно лучше выполнить свой долгъ писателя, самымъ дѣломъ оправдать свое высокое призваніе—и съ грустнымъ сомнѣніемъ относительно исполненнаго долга отошелъ онъ въ вѣчность. Такъ успокоимъ же духъ его еще разъ признаніемъ того, что онъ свято выполнилъ свой долгъ, выполнилъ вполнѣ, хотя не тѣмъ, чѣмъ онъ думалъ выполнить. Вѣдь не тѣмъ, конечно, великъ Гоголь, что оставилъ по себѣ тощую книжку прописной морали,—книжку, подобныхъ которой являлось не мало и до него, является множество теперь и будетъ являться впредь, а тѣми великими художническими произведеніями, которыми онъ отмѣтилъ въ исторіи русской литературы новую эпоху, совершилъ въ ней радикальный переворотъ и положилъ начало новому теченію—реалистическому, которое продолжается въ ней и донинѣ.

П. Мининъ.